

XОТЯ Есенин и при жизни был хорошо замечен, большим, тем более – великим лириком его не считали, да и он сам говорил о себе, возможно, не без лукавства:

Был он изящен,
К тому же поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силой...

Или еще:

Ведь я мог дать
Не то, что да!,
Что мне давалось ради шутки.

Однако самоуничтожение было ему чуждо; цену на себя знал:

Я вам не канар!
Я поэт!
И не чета каким-то там Демьянам.
Пускай бываю иногда я пьяным,
Зато в глазах моих
Прозрели дивных свет.

И в самом деле, если в жизни он бывал наивен, даже слеп, часто разинзан и по-прежнему ужасен, то в стихах – мудр и зорок:

Я не люблю
Растянуты петуха
И говорю,
Что если был бы в силе,
То всем бы петухам
Я выдрал потроха,
Чтобы они
Ночами не голосили.

Но я забыл.
Что сам я петухом
Орал вовсю
Перед рассветом края,
Отцовские заветы попирая,
Волнуясь сердцем
И стихом.

Знаменательная строка “Отцовские заветы попираю...”; по-видимому, Есенин намекал на свои поэмы первых лет революции – “Небесный барабанщик”, “Пантократор” и другие, где, в частности в “Инонине”, встречается и такое:

Тело, Христово тело,
Выплевываю изо рта.

Несомненно, тут сказалось знакомство с ранними, самыми талантливыми из поэм Владимира Маяковского, но все же “богоборческие” стихи – далеко не лучшие в есенинском наследии. Он и сам об этом впоследствии писал:

Стыдно мне, что я в Бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.

И просил:

...Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умират.

Однако через два года повесился, отлично зная, что самоубийцу под иконы не положат...

Нынче развелось немало скотиников “причесать” есенинскую биографию, превратить поэта из хозяина своей судьбы в беспомощную жертву... Однако при этом забывают, что суицидальные мотивы проскальзывают в есенинских стихах еще в юности:

...В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь

– и в написанных не чернилами, а кровью последних строках сказано:

Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди

– из чего следует, что встреча состоится отнюдь не в раю. Ангела из Есенина никак не сделает!.. И вообще его отношения с небом отнюдь не ангельские. Еще до революции он признался:

Если крикнет рать святая:
“Киев ты Русл, живи в раю!” –
Я скажу: “Не надо раја,
Дайте родину мою”.

ЕСЕНИНСКУЮ жизнь “улучшить трудно”, и вряд ли стоит этим заниматься. Биография поэта – ведь не маловажная, однако не первостепенная. Но сегодня больше увлекаются жизнеописаниями, а не стихами. Особенно не повезло Цветаевой: во всех книгах (а среди них есть и отличные, например, М. Белкин или В. Швейцер) ее стихам отведено мало места, о них говорится скороговоркой, зато все ее романы, действительные и выдуманные, исследованы до мелочей. С Есениным, хотя и в меньшей мере, происходит примерно то же.

Недавно наконец опубликованы без купюр воспоминания Галины Бениславской, подруги поэта, безнадежно, без малейшей взаимности в него влюбленной, бескорыстно занимавшейся всеми его литературными и житейскими делами, нанимившейся с ним, как с малым дитятей,

приютившей его у себя вместе с его сестрами, когда Есенин после разрыва с Айседорой Дункан оказался бездомным.

Бениславская описывает страшную в своем надрыве есенинскую повседневность, его взлеты и падения, его нежность и жестокость, его запои и короткие пропадания, когда он писал свои удивительные по красоте, прозрачности и пронзительности стихи! Не верить Бениславской нет никаких оснований. И своей жизнью, и своей смертью (она застrelилась через год после самоубийства Есенина на его могиле) Бениславская заслужила право рассказать нам о трагедии поэта. К тому же ее воспоминания подтверждаются “Московской кабацкой”, “Черным человеческим Мишгородом”: “Мне нравится гений этого человека...” – и называл перманентную революцию “великим замыслом”; не заботился о детях и женах; тяготел к известным женщинам, женился на Айседоре Дункан, а затем на внучке Льва Толстого, – так вот, при всем этом Есенин оставил одним из самых свободных русских лириков, поскольку свобода поэта не столько в неподчинении властям предлагающим и в открытом их поношении, сколько в безразличии к ним и в следовании своему предназначению.

И все-таки повторю: биография отнюдь не главнее в наследстве поэта и даже прозаика. И сколько бы талеров Федор Михайлович не проигрывал в рулетку, и сколько бы раз Анна Григорьевна, урожденная Сниткина, не закладывала по этой причине свою тальму, в великом на-

следный Мишгород! “Мне нравится гений этого человека...” – и называл перманентную революцию “великим замыслом”; не заботился о детях и женах; тяготел к известным женщинам, женился на Айседоре Дункан, а затем на внучке Льва Толстого, – так вот, при всем этом Есенин оставил одним из самых свободных русских лириков, поскольку свобода поэта не столько в неподчинении властям предлагающим и в открытом их поношении, сколько в безразличии к ним и в следовании своему предназначению.

И все-таки повторю: биография отнюдь не главнее в наследстве поэта и даже прозаика. И сколько бы талеров Федор Михайлович не проигрывал в рулетку, и сколько бы раз Анна Григорьевна, урожденная Сниткина, не закладывала по этой причине свою тальму, в великом на-

следный Мишгород! “Мне нравится гений этого человека...” – и называл перманентную революцию “великим замыслом”; не заботился о детях и женах; тяготел к известным женщинам, женился на Айседоре Дункан, а затем на внучке Льва Толстого, – так вот, при всем этом Есенин оставил одним из самых свободных русских лириков, поскольку свобода поэта не столько в неподчинении властям предлагающим и в открытом их поношении, сколько в безразличии к ним и в следовании своему предназначению.

ДАР такой свободы был дан Есенину с лихвой. Именно этот дар был ненастен стalinскому режиму, и потому

— 13 сен. — С. 6.

Лит. газета, — 1995

Владимир КОРНИЛОВ

Век Сергея Есенина

следии Достоевского и рулетка, и тальма мало что меняют. И тысячу раз права Ахматова:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...

К сожалению, сегодня многие предпочитают читать стихи – сор. А ведь каждый лирик все, что считал нужным о себе сказать, сказал. “Я – поэт. Этим и интересен”, – начал свою автобиографию Маяковский, а в предсмертном письме добавил: “...пожалуйста, не сплетничайте. Пожалуйста, это ужасно не люблю”.

К УДА полезней поговорить о есенинском величестве. Разве не чудо, что в жизни раб своих страстей и дурных привычек, в стихах Есенин не давал себе никакой поблажки и невероятно был с собою строг?! В последние годы, когда он особенно буйствовал и пил, почти не просяхах, когда его завистливые собутыльники едва не пристрастили его к кокаину, у него не встречается слабых строк. А ведь у пьяниц стихи обычно растянуты: пьющий стихотворец почти всегда болтлив, вечно повторяется, вместо точки часто ставит запятую и, как правило, тянет стих на одном ритме, “на одной постылой ноте”. А вот Есенин свое чувство гармонии пронес через все ужающие перепады своей короткой жизни, жизни на износ и стихотворной работы тоже на износ.

Критики определенного толка всегда считали и по сей день утверждают, что поэта погубил город: мол, нежный, застенчивый деревенский юноша не выдержал московских и питерских соблазнов, начал пьянствовать, безобразничать и т. д. Разумеется, всякая перемена жизненного уклада, а тем более переезд сельского жителя в столицу – всегда потрясение, и во все не потому, что город грязен и раззватен, а деревня чиста и безгрешна; в деревне тоже пили и тоже богохульствовали ничуть не меньше... Но, отринув один уклад и не утвердившись в другом, человек недавно оказывался на обочине...

Верно, что есенинской ширы и удали оказалось тесно в Москве. Но вряд ли им было бы просторно в деревне. Кстати, свою деревню зрелый поэт вовсе не приукрашивал, смотрел на нее зоркими глазами, любил и ненавидел, боготворил и презирал, она его притягивала и одновременно отталкивала, и, привез из Москвы к родным, он не выдерживал в избе и трех суток.

Как поэт он равнозначителен обеим: и городу. Городскому человеку никогда так глубоко не ощущать русскую природу, тоску полей. Есенин выразил это так проникновенно, как никто до него и после него. Но, оставшись в деревне, он вряд ли сумел бы так развить свой дар. Короче: деревня обучила Есенина песне, а город – стиху.

Если же говорить о литературном влиянии, то наибольшее на него оказали Гоголь и Лесков, а не, как принято считать, Некрасов. У Есенина не встретишь некрасовской зауневности, некрасовского страдания; есенинский стих всегда энергичен, нигде не затянут, его любовь к слову безоглядна по-лесковски, но чувство размерности и сообразности пушкинское.

Это чувство и помогло Есенину преодолеть имажинизм, период, когда его увлечения были чрезмерной образностью. В “Автобиографии” 1924 года он писал: “...основанное в 1919 году течение имажинизма, с одной стороны – мной, с другой – Шершеневичем, хоть и повернуло формально русскую поэзию по другому руслу восприятия, но зато не дал никому еще права претендовать на талант. Сейчас я отрицаю всякие школы. Считаю, что поэт и не может держаться определенной какой-нибудь школы. Это его связывает по рукам и ногам. Только свободный художник может принести свободное слово”.

И несомненно на все пьяные скандалы и на иные сомнительные поступки (вызывающие недоумение Гумилева и Ахматовой), читал стихи царице и царевнам; воспевал Ленина, а Троцким обронил в очерке “Же-

лезный Миргород”: “Мне нравится гений этого человека...” – и называл перманентную революцию “великим замыслом”; не заботился о детях и женах; тяготел к известным женщинам, женился на Айседоре Дункан, а затем на внучке Льва Толстого, – так вот, при всем этом Есенин оставил одним из самых свободных русских лириков, поскольку свобода поэта не столько в неподчинении властям предлагающим и в открытом их поношении, сколько в безразличии к ним и в следовании своему предназначению.

Но тут же, забыв о вожде пролетариата, Есенин возвращается к самому себе:

Вот потому
С большой душой поэта
Пошел скандалить я,
Озорничать и пить.

Впрочем, думается, озорничал он, пил и скандировал вовсе не из-за несовершенства Солнечной системы. Ахматова как-то сказала, что талант взрывобален и не подготовленному человеку совладать со своим даром совсем непросто. Не обремененный воспитанием юношу талант часто толкает к безобразиям. К своему дару Есенин был явно не готов. За них стояло не дворянское и не интеллигентское про-

то неодобрительно говорила о Есенине, Осин возражал, что можно простить Есенину что угодно за строку: “Не расстреливал несчастных по темницам”.

УДИВИТЕЛЬНА есенинская загадка, которую все еще не раскрыло литературоведение: чем страшней, безнадежней и неудержимей неслась жизнь Есенина к своей трагической развязке, тем прекрасней становилась его лирика. Он колесил по России, не находил себе покоя ни в Москве, ни в Питере, ни на Кавказе, ни в родном селе, пил, свирепствовал и, раскачиваясь, как маляр, между добром и злом, писал свои бессмертные стихи все лучше и лучше. Видимо, в позиции, как в физике, чем дальше от минуса к плюсу, то есть чем выше разность потенциалов, тем больше накал чувств и тем сильней лирическая энергия.

Такая безоглядная жизнь и такая безглазая работа, видимо, привели Есенина к депрессии, а затем и к самоубийству. Смерти он не боялся, но, помни слова богоугорного им Гоголя: “Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаст назад и обратно!” – стращалась страсти, и не только потому, что был красив и горько сожалел:

Облетает моя голова,
Куст волос золотистых вяннет,

– а оттого, что необоснованно пугался: мол, с годами теряет “буйство глаз и плавьи чувств”, без которых лирическому поэту – гибель... Страх потерять вдохновение терзал его все настойчивей, и в тридцать лет он, по свидетельству современников, выглядел так, словно износил несколько жизней. Но работал он все упорней и пачеюльно по уходящей молодости также привлекал к себе читательские души. (Ведь русская нация еще молода, а молодости свойственные и грусть, и чувство обретенности, и разгул, и надрыв, и неумение смирить себя и хоть как-то наладить жизнь, придать ей какой-то порядок...)

Меж тем ощущение близкой гибели звучало в есенинских стихах все наизнанки:

Я знаю, знаю. Скоро, скоро
Ни по моей, ни чьей вине
Под низким трауриным забором
Лежать придется так же мне.

(17 августа 1925 г.)

...Эту избу на крыльце с собакой
Словно я вижу в последний раз.

(24 сентября)

Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.
И березы в белом плакут по лесам.
Кто погиб здесь? Умер? Уже ли сан?

(4/5 октября)

И, наконец, накануне самоубийства:

До свиданья, друг мой, до свиданья.

Но, “предназначив” свое расставание, Есенин от нас не ушел. У его стихов такая запораживающая сила, и мне кажется, что сегодня, когда страна расколота, есенинская поэзия, как-нибудь другая, способна хоть как-то объединить русских граждан самых разных пристрастий, достоинств и биографий. Ведь каждый, кто покинул страну и покидать ее не собирается, с печалью, с любовью и все-таки с надеждой повторяет про себя есенинские строки:

Некакая родина другая
Не вольет мне в грудь мои теплицы.

Знать, у всех у нас такая участы,
И, пожалуй, каждого спроси –
Радуясь, свирепствуя и мучас,
Хорошо живется на Руси.

С юношеских строк:

Не бродить, не лягать в кустах багряных
Лебеди и не искать следа.
Со споном волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда

или:

Все они убийцы или воры,
Как судил им рок.
Полюбия я грустные их взоры
С впадинами щек

– до страшной в своей обнаженности “Москвы кабацкой” и полного безнадежности “Черного человека” красота есенинского стиха не убывает, а, напротив, растет. Есенинский звук, есенинская об разность каким-то чудом и величеством преображают безобразие жизни в сокровенную лирику.

И не прав Маяковский, поэт колосального дара, но, к сожалению, не всегда верного чутья, утверждавший в своем предсмертном вступлении в поэму, что в отличие от “песенно-есенинского провинтяза” его, Маяковского, стих “дойдет через хребты веков и через головы поэтов и правительства”. Есенин с легкостью, без малейших потерь одолел эти препятствия, и уходящий двадцатый век лишь укрупняет поэта.

